

смерти – в литературе того времени. Спор волновал всё псковское общество, да и не только псковское – всё русское церковное общество. Своеобразен вывод историка из своих построений: «В такие тёмные уголки холодной диалектики пряталась русская мысль... покинув... поприще насущных нравственных потребностей».

Псковские споры XV века – это пролог церковного раскола XVII века. Уже тогда появились «зацепки» для богословско-диалектического спора Никона и Аввакума. Не случайно В. О. Ключевский обращает наше внимание на вопрос о «сугубой аллилуии» (на один из главных спорных вопросов в расколе). Однако, показывая русскую церковную мысль XV века, автор рисует нам и быт церковного общества, его противоречия, характер мышления людей, даёт характеристики деятелей эпохи и многое, многое другое.

Библиографический список

1. Ключевский В. О. Псковские споры // Православие в России. – М. : Мысль, 2000.

УДК 947(093)(470.22)

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)¹

Ю. В. Литвин

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
Российской академии наук,
г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия

THE HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC SOURCES ABOUT EVERYDAY LIFE
OF THE KARELIAN PEASANT WOMAN (THE END OF THE 19TH TO THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY)

J. V. Litvin

Institute of Language, Literature and History Karelian Research Centre Russian Academy
of Science, Petrozavodsk, The Republic of Karelia, Russia

Summary. The article contains basic thematic groups of sources both published and archival from second half of the 19th to beginning of the 20th century. It allows analyse legal and sociocultural state of the karelian peasant woman in and out her family.

Key words: history of Karelia; gender history; source study; legal state of woman; customary law; marital relations; woman's identity.

Изучение повседневной жизни населения в исторической и этнологической ретроспективе является одним из актуальных направлений современной историографии.

Цель настоящей статьи заключается в выделении основных тематических групп источников, в которых содержатся сведения о карельской женщине, её положении в семье и общине. Статья основана на опубликованных материалах и архивных документах Национального архива Республики Карелия. Обращение к различным группам источников позволяет получить объёмную картину исторической действительности, даёт возможность дополнить официальные материалы источниками неофициального характера.

В настоящее время большинство исследователей придерживаются видовой классификации [6, с. 145]. Информация о жизни карельских крестьянок расплывлена по архивным фондам и неравномерно представлена в опубликованных материалах. Поэтому мы последуем за А. С. Лапшо-Данилевским, который ещё в начале XX в. предложил систематизировать исторические источники в зависимости от целей исследования [6, с. 86]. В частности, он делил источники по степени ценности для изучения конкретных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Эвристический потенциал историко-этнографических источников о повседневной жизни карельской семьи в конце XIX – первой трети XX вв.» (Номер проекта 12-31-01028).

исторических событий и подразделял их на источники с фактическим содержанием (то, что было) и источники с нормативным содержанием (то, что признавалось должным).

Законодательные нормы и предписания определялись и санкционировались государством. Необходимым условием законодательного процесса, начиная с эпохи Нового времени, являлась публикация закона и информирование о нём населения. «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи» являются главными источниками для понимания прав и обязанностей женщины с точки зрения государства. В первом томе Свода законов гражданских систематизированы статьи о родительских правах по отношению к дочерям, личных и имущественных правах женщины, включая сведения о приданом, порядке наследования и т. д. [15]. Вместе с тем в реальности большинство вопросов повседневной жизни крестьянства регулировались нормами обычного права. Если законодательные нормы имели общегражданское значение, то нормы обычного права отражали региональную и этническую специфику. Для реконструкции норм обычного права карел большое значение имеют статьи А. Я. Ефименко [4] и А. Я. Колясникова [8]. Публикации других дореволюционных авторов (М. Д. Георгиевского, Н. Камкина, В. Никольского, И. В. Оленева) также затрагивают отдельные вопросы правового положения крестьянской женщины [2, 3, 7, 12, 13].

Информацию о реальном применении законодательной регламентации можно почерпнуть из документов органов управления, которые имели непосредственную связь с населением. Прежде всего, это приговоры сельских и волостных сходов, дела волостных правлений (фонды 107, 122, 151), волостных судов (фонды 109, 124), земских начальников (фонды 53, 55). Особенность этих документов заключается в отражении конфликтной стороны повседневной жизни крестьян: в них сохранились приговоры сельских обществ о семейных разделах, прошения крестьянок об оскорблениях со стороны родственников и односельчан, имущественные споры. Базовой инстанцией, куда могла обратиться крестьянка в случае нарушения её прав, был сельский сход или волостной суд. Однако, как показал анализ источников, существовала группа ходатайств, которая миновала сельскую администрацию и направлялась сразу в вышестоящие инстанции – земскому начальнику, губернатору или даже императору. Таковыми были, например, прошения на получение паспорта без согласия мужа. Поскольку крестьянским сообществом развод признавался тяжёлым грехом, то одним из способов достижения крестьянкой независимости, при сохранении статуса замужней женщины, являлось получение паспорта «для отлучки».

Делопроизводственные материалы могут быть существенно дополнены в результате обращения к материалам этнографического характера. Среди них особую ценность представляют публикации дореволюционных авторов конца XIX в. – путешественников и исследователей, представителей разных социальных кругов и профессий – Н. Березина, М. Д. Георгиевского, И. К. Инхи, М. А. Круковского, Н. Лескова, В. Н. Майнова, И. В. Оленева, С. Паулахарью. Записки русских путешественников, посетивших Северо-Запад империи, отличались от исследований краеведов широким территориальным охватом изучаемой местности. Ярким примером может служить маршрут А. В. Елисеева по Приладожской и южной Карелии, Архангельской губернии, Скандинавским странам и круг рассматриваемых им тем (сведения об экономике, быте различных наций и этнических групп, о возможных способах использования природных и трудовых ресурсов края). Публикации краеведов имели локальную направленность и носили в связи с этим более детальное этнографическое описание. С этой точки зрения краеведов уместно сравнить с финскими исследователями, работы которых также отличались подробными сведениями о происхождении и культурно-бытовых особенностях населения карел. Однако различной оставалась направленность повествования, поскольку краеведы в большинстве случаев сравнивали повседневный уклад жизни коренного и русского населения, а финны находили общие черты в традициях и менталитете карел с финской культурой и историей.

В очерках дореволюционных авторов содержатся развёрнутые сведения о внутрисемейном положении женщины – её домашних обязанностях, взаимоотношениях с членами семьи и других аспектах повседневной жизни. По сравнению с центральными и южными губерниями России положение карельской женщины отличалось большей независимостью, а внутрисемейные отношения базировались на принципах уважения

и любви: «Положение карельской женщины по отношению к мужу гораздо лучше, чем русской. Грубое, деспотичное отношение мужа к жене – явление крайне редкое. Привязанность, ласковое и приветливое отношение – вот качества, господствующие в отношениях мужа к своей жене» [7, с. 665]. Краевед И. В. Оленев объяснял это тем, что карельская девушка выходит замуж по любви, а «насильственных браков почти не бывает» [13, с. 92]. Современные исследователи подтверждают эти данные, подчёркивая, однако, исключительную роль родительского благословения [16, с. 16].

Внесемейную повседневность карельской крестьянки условно можно разделить на трудовую, будничную и досуговую, праздничную. С середины XIX в. трудовая деятельность женщины вне дома начинает привлекать внимание официальных органов, что было следствием повышения доли женщин в производственном процессе. Карельские крестьянки составляли в основном неквалифицированную рабочую силу: нанимались в услужение, на сельскохозяйственные работы, занимались извозом (преимущественно, в качестве гребцов) и погрузочными работами на судах. В последней четверти XIX в. значительная часть крестьянок вовлекается во внекраевой отход, отправляясь на заработки в Петрозаводск, Петербург и соседние города Финляндии. Поиск сведений о заработках карельских крестьянок осложняется отсутствием данных о национальности при статистическом учёте. Исключение составляет Первая всеобщая перепись населения 1897 г., в которой зафиксированы сведения о занятости населения на основе родного языка [14]. Информация о занятиях карелок могла содержаться в отчётах волостных старшин, проживающих на территории карельских волостей.

Праздник для крестьянской женщины был временем отдыха, хотя в воскресные и праздничные дни женщина не освобождалась от повседневной домашней работы. Информация о досуге карельской женщины практически не отложилась в документах официального делопроизводства: переписке, отчётах и других материалах. Архивные документы официального характера обычно очерчивали лишь общую канву событий, касаясь в основном государственных или общецерковных праздников (фонды 1, 25, 151). В то же время в очерках можно встретить отдельные свидетельства участия женщины в семейных торжествах и различного рода развлечениях. Чаще всего это описания предсвадебных приготовлений и сопровождавших их свадебных церемоний. Женщина также обязательно присутствует в описаниях ритуально-обрядовых действий в связи с рождением или крещением ребёнка, а также в связи с похоронами. Достаточно часто авторы обращались к теме молодёжных бесед и посиделок [2, 3, 5].

Одной из ключевых проблем гендерных исследований является выявление женской или шире – гендерной идентичности. Ведущая роль в формировании крестьянского самосознания принадлежит таким институтам, как семья, община, церковь и школа. Включение девочек в трудовую деятельность и распределение трудовых обязанностей, приготовление приданого, участие в подростковых и молодёжных беседах, праздничной обрядности – всё это различные стороны процесса социализации, постепенного приобщения подрастающих поколений к традициям деревни. При изучении данного аспекта темы значительную помощь оказывают опубликованные источники этнографической направленности, авторы которых часто сами были включены в повседневную жизнь деревни [1, 9, 12]. Во второй половине XIX в. в связи с развитием школьной сети возрастает роль школы в социализации девочек. Материалы школьной статистики, отчёты учителей, хранящиеся в фонде директора народных училищ (фонд 17), губернских и районных инспекторов народных училищ (фонды 79, 335, 240), уездных училищных советов (фонд 428) позволяют судить о возраставшем внимании светских и церковных властей к образованию крестьянских детей в целом и девочек в частности [10, 11]. Так, например, в отчётах по народному образованию констатировалась низкая посещаемость девочками школ.

Анализ опубликованных и архивных материалов, делопроизводственных и этнографических документов позволяет более широко взглянуть на различные стороны повседневной жизни крестьянской женщины, выявить особенности конструирования гендера в различных национальных традициях, а также ввести в оборот новые источники и по-иному истолковать уже известные материалы. Проведённый анализ показал, что упоминание об обыденной жизни крестьянки в официальных источниках – явление довольно редкое, и оно было связано с экономическими интересами государ-

ства. Статистические данные зачастую ограничиваются информацией в целом по губернии или уездам, что лишает исследователя возможности конкретизировать цифры отдельно для карельского и русского населения. За границами интересов государства остались такие стороны жизни женщины, как домашняя работа, взаимоотношения между членами семьи и общины, участие в праздничных мероприятиях, вопросы социализации и т. д. Данный информационный пробел восполняют источники этнографического характера, которые позволяют выявить локальную специфику, региональные особенности повседневной жизни в контексте социальных трансформаций.

Библиографический список

2. Благовещенский И. Посиделки в окрестностях города Олонца // Олонецкие губернские ведомости. – 1878. – № 94. – С. 1135.
3. Георгиевский М. Карелы // Вестник Олонецкого губернского земства. – 1908. – № 14. – С. 3–5; № 15. – С. 4–6; № 16. – С. 8–10; № 20. – С. 3–6.
4. Георгиевский М. Этнографические заметки. Святозеро // Олонецкие губернские ведомости. – 1888. – № 18. – С. 163.
5. Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. – Т. VIII. – СПб., 1878. – С. 1–233.
6. Из быта и верований карел Олонецкой губернии. Праздники у карел // Олонецкие губернские ведомости. – 894. – № 85. – С. 9–10.
7. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1998. – 702 с.
8. Камкин Н. Архангельские карелы (этнографический очерк) // Древняя и новая Россия. – 1880. – Т. XVI. – № 4. – С. 651–673.
9. Колясников А. Я. Материалы для изучения народных юридических обычаев. Народные юридические обычаи карел, живущих в Олонецком уезде // Олонецкий сборник. – Петрозаводск, 1886. – Вып. 2. – С. 43–54.
10. Лесков Н. Карельская свадьба // Живая старина. – 1894. – Вып. III–IV. – С. 499–511.
11. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 17. Оп. 1. Дд. 46/561, 46/570.
12. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 180. Оп. 1. Дд. 7, 12, 14.
13. Никольский В. Обычаи, приметы и причитания карельской свадьбы (из записок и дневников) // Олонецкая неделя. – 1916. – № 30. – С. 9–13.
14. Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. – 172 с.
15. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. – Т. XVII. Олонецкая губерния. – Тет. 3. – СПб., 1904.
16. Свод законов Российской империи. – Т. X. – Ч. I. Свод законов гражданских. – Ст. 165, 172–177, 179, 217–219. – СПб. : Государственная типография, 1887. – 415 с.
17. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX вв. – Л., 1985. – 172 с.

УДК 327

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-ЛИВИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1996–1999 ГОДЫ

А. Х. Зарипов
Министерство культуры Республики Татарстан,
г. Казань, Россия

EVOLUTION OF RUSSIAN-LIBYAN RELATIONS IN 1996–1999

А. Н. Zaripov
The Ministry of culture of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Summary. The article discusses the Russian-Libyan relations in the second half of 1990-s. The motives and causes of changes in relations are analyzed. Political and economic cooperation between two countries is studied.

Key words: international relations; Libya; diplomacy; Russia.

С момента зарождения дипломатии новой России на рубеже 1991–1992 годов, её первоначальные внешнеполитические установки в значительной степени явились продолжением «нового мышления» М. Горбачёва. Широкая ориентация российских внешнеполитических векторов в сторону Запада заставила отказаться от многих тра-